

«За границу за знаниями»:

Научная стажировка А.Д. Некрасова в Норвегии

Р.А. ФАНДО

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Москва, Россия;
fando@mail.ru

В статье представлена история заграничной стажировки в Норвегии известного зоолога, организатора науки и одного из первых советских историков биологии А.Д. Некрасова. Целью исследования стала реконструкция повседневной жизни зоологов начала прошлого века во время их стажировок в европейских гидробиологических центрах. Для реализации поставленной цели потребовалось изучить большой массив документального наследия, отложившегося в фонде А.Д. Некрасова (ф. 48) Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского государственного университета. Рассмотренные эго-документы ученого вводятся в научный оборот впервые и дают представление об организации гидробиологических курсов в Бергенском музее для ученых различных стран и уровне международных научных коммуникаций. В качестве преподавателей на курсах работали Б. Хелланд-Хансен, П. Бьеркан, А. Аппелёф, М. Бринкманн, Э. Йоргенсен, К. Кольдеруп. Знакомство с экспериментальной работой европейских океанологов, гидрологов и биологов привлекало большое количество российских исследователей. На курсах Некрасов встретил своих соотечественников. Они перенимали совершенно новые формы организации биологических исследований, экспериментальные методики, изучали видовое многообразие морской фауны, знакомились с новыми открытиями европейской науки. Учеба на международных гидробиологических курсах стала распространенным явлением среди отечественных ученых начала XX в. и послужила толчком для создания в России новых гидробиологических станций. А.Д. Некрасов был организатором такой станции на Пустыньских озерах Арзамасского уезда Нижегородской области, где проходили обучение студенты Нижегородского (Горьковского) университета и проводилась многолетняя работа по исследованию биоразнообразия местных водоемов.

Ключевые слова: научные стажировки, гидробиология, Бергенский музей, А.Д. Некрасов, Московский сельскохозяйственный институт, Нижегородский государственный университет, Пустыньская биостанция.

Алексей Дмитриевич Некрасов (1874–1960) — известный биолог, который начал свою научную карьеру в дореволюционный период и продолжил уже в советской России. Он не только внес значительный вклад в мировую науку эмбриологическими, анатомо-морфологическими и гидробиологическими исследованиями, но и стоял у истоков отечественной истории биологии, был прекрасным организатором и преподавателем, переводчиком и редактором различных научных изданий. До настоящего времени полная научная биография ученого еще не написана, хотя попытки освещения его жизненного пути предпринимались в разное время. Первое упоминание о нем встречается в статье И. Макарова «Ученый, общественник, патриот», напечатанной в газете «Горьковская коммуна» в 1949 г.¹ В 1951 г. к 75-летию юбилею Некрасова в журнале «Природа» появилась небольшая заметка о его научной и просветительской деятельности². Многие факты из биографии «неутомимого пропагандиста научных знаний» сознательно замалчивались или искажались в угоду времени. В той же статье сообщалось, что он вырос в трудовой семье, с детства познал тяготы жизни и проникся идеями революционных демократов — Герцена, Чернышевского, Добролюбова, — примкнул к демократическому крылу студенчества, был арестован царской охранкой за участие в студенческих волнениях. Все это окончательно утвердило его в позиции враждебности к царскому режиму³. Итоги научной и педагогической деятельности Некрасова подвели С.Л. Соболев и Л.Я. Бляхер в статье, подготовленной к 80-летию ученого⁴.

Биографические сведения об ученом также можно найти в некрологах, написанных его современниками⁵. Историко-научные работы Некрасова обобщил Л.Я. Бляхер в «Вопросах истории естествознания и техники»⁶, а основные направления научной деятельности — Э.Н. Мирзоян в «Бюллетене Московского общества испытателей природы»⁷. В 2023 г. появилась книга воспоминаний А.Д. Некрасова, подготовленная его внучкой Лидией Дмитриевной Некрасовой⁸. Там содержатся воспоминания о детстве, студенческих годах, женитьбе и рождении детей в семье А.Д. Некрасова. Также в книге есть воспоминания о стажировках на морских станциях в Неаполе, Сен-Ва-ла-Уге, Вильфранш-сюр-мер, Севастополе. Однако приведенные тексты требуют большой проработки и уточнений. Реконструировать

¹ Макаров И. Ученый, общественник, патриот // Горьковская коммуна. 1949, 26 октября. С. 3.

² Никитенко М.Н. Неутомимый труженик и пропагандист научных знаний // Природа. 1951. № 5. С. 78–79.

³ Там же.

⁴ Соболев С.Л., Бляхер Л.Я. А.Д. Некрасов (к 80-летию со дня рождения) // Труды ИИЕТ АН СССР. М.: Изд. АН СССР, 1955. Т. 4. С. 390–399.

⁵ Артемов Н.М. Памяти Алексея Дмитриевича Некрасова (1874–1960) // Научные доклады высшей школы. Биологические науки. 1961. № 2. С. 241–242.

⁶ Бляхер Л.Я. А.Д. Некрасов (некролог) // Вопросы истории естествознания и техники. 1961. Вып. 11. С. 196–197.

⁷ Мирзоян Э.Н. Памяти Алексея Дмитриевича Некрасова (1874–1960) // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. 1962. Т. 67. Вып. 1. С. 136–138.

⁸ Некрасов А.Д. Воспоминания / Редактор-составитель Л.Д. Некрасова, допечатная подготовка Н.Г. Ордынская. Чебоксары: [Б. и.], 2023. 680 с.

одну из малоизвестных поездок, которую совершил А.Д. Некрасов в Норвегию для стажировки в области гидробиологии, помогли документы, отложившиеся в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ (ф. 48 — фонд А.Д. Некрасова). Также на основе архивных материалов были уточнены сведения о работе ученого в Научно-исследовательском институте им. К.А. Тимирязева и Нижегородском государственном университете, выяснены некоторые факты его биографии.

Родившись в семье священнослужителей, Алексей Дмитриевич воспитывался в религиозных традициях, но не стал поступать в духовную семинарию, а выбрал для себя путь ученого-исследователя. Такой профессиональный выбор среди выходцев из семей духовенства для того времени не был единичным случаем: в последней четверти XIX в. в науку пришло много детей священнослужителей, купцов, мещан, ремесленников, разночинцев. Многие стремящиеся в науку юноши сталкивались с непростыми жизненными обстоятельствами, и Алексей Дмитриевич не был исключением. Он рано лишился матери, помогал отцу в храме, выполнял тяжелую работу по дому, при этом ответственно относился к учебе, много читал, занимался самообразованием. В 1894 г. Некрасов поступил на естественное отделение физико-математического факультета Императорского Московского университета. Благодаря своим университетским преподавателям Николаю Юрьевичу Зографу⁹, Сергею Алексеевичу Зернову¹⁰, Николаю Васильевичу Богоявленскому¹¹ он увлекся зоологией и гидробиологией. Еще будучи студентом, он получил первые навыки гидробиологических исследований на биостанции озера Глубокого в Московской губернии.

В 1899 г., когда Некрасов учился на последнем курсе университета, его преподаватель Н.В. Богоявленский предложил юноше отправиться вместе с ним на Неаполитанскую зоологическую станцию, чтобы познакомиться с местной морской фауной и освоить новые методы изучения гистологии, эмбриологии и анатомии животных. Это была первая зарубежная поездка Некрасова. После окончания университета он работал на морских станциях в Сен-Ва-ла-Уге (1900), Вильфранш-сюр-Мер (1902, 1903, 1906), Севастополе (1905). Там он исследовал развитие морских моллюсков. За работы по изучению овогенеза и эмбриогенеза моллюска цимбулии (*Cymbulia*) Некрасов был удостоен премии имени Е.К. Кандинской, учрежденной Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии¹².

⁹ Зограф Николай Юрьевич (1851–1919) — зоолог, проф. Московского университета. Занимался гидробиологией, ихтиологией, зоологией беспозвоночных, эмбриологией и гистологией. С 1877 г. работал в Зоологическом музее. В 1911 г. организовал лабораторию гистологии в Московском университете.

¹⁰ Зернов Сергей Алексеевич (1871–1945) — зоолог, гидробиолог, организатор науки, академик АН СССР (1931). Основоположник гидробиологии в России, создатель ее экологического направления.

¹¹ Богоявленский Николай Васильевич (1870–1930) — зоолог, гистолог и эмбриолог, ученик Зографа. С 1914 г. заведовал зоологической лабораторией при Зоологическом музее. В 1919 г. основал биологическую станцию в Большеве под Москвой, которой руководил до конца жизни. Совершил научные экспедиции во многие страны мира, в значительной степени обогатив привезенными материалами коллекции Зоологического музея.

¹² *Nekrasov A.D.* Untersuchungen über die Reifung und Befruchtungsprozesse des Eies von der Eier von *Cymbulia Peronii* // *Anatomischer Anzeiger*. 1903. Bd. XXIV. № 4. S. 119–127; *Nekrasov A.D.* Analyse der Reifungs und Befruchtungsprozesse des Eies von *Cymbulia Peronii*, nebst

Рис. 1 Алексей Дмитриевич Некрасов за работой в лаборатории, 1911 г.
Архив Лидии Дмитриевны Некрасовой (внучки А.Д. Некрасова)

Fig. 1 Alexei Nekrasov at work in the laboratory, 1911. Archive of Lidia Dmitrievna Nekrasova
(granddaughter of A.D. Nekrasov)

В 1906 г. Некрасов был принят в Московский сельскохозяйственный институт (МСХИ) на должность ассистента кафедры зоологии к Николаю Михайловичу Кулагину¹³. МСХИ был гораздо демократичнее императорских университетов. Ассистенты сельскохозяйственного института были достаточно уважаемы среди профессорско-преподавательского состава вуза. В обязанности здешних ассистентов входило не только обучение основам той или иной дисциплины, но еще и формирование практических навыков, необходимых в сельскохозяйственной работе. Приват-доцентов, как в классических университетах, там не было. Руководство МСХИ стремилось приглашать на работу высококвалифицированных и преимущественно семейных ассистентов, привлекая их не только высоким жалованием, но и служебной квартирой рядом с институтом. МСХИ находился за городом, в Петровском-Разумовском, и поэтому было естественно его сотрудникам предоставлять там же и квартиру. В служебную квартиру переехала и семья А.Д. Некрасова, которая помимо главы включала супругу Лидию Ивановну (в девичестве Яковлеву), дочерей Екатерину и Лидию. Преподаватели и профессора сельхозинститута гораздо ближе общались друг с другом, чем в других московских учебных заведениях. Ассистенты здесь входили в состав Институтского совета с правом совещательно-

---

einigen Bemerkungen über die Entstehung der Strahlung neben die Kopulationbahn der Vorkerne // Archive für mikroskopische Anatomie. 1909. Bd. 73. № 4. S. 913–994.

¹³ Кулагин Николай Михайлович (1860–1940) — энтомолог, член-корреспондент АН (с 1913 г.), действительный член АН БССР (с 1934 г.) и ВАСХНИЛ (с 1935 г.). Преподавал в Московском университете и Московском сельскохозяйственном институте (позднее переименованном в ТСХА). Известен своими трудами по вопросам пчеловодства и методам борьбы с вредителями (насекомыми) сельскохозяйственных культур.

го голоса, чего не было в классических университетах. Таким образом они активно участвовали в решении важных институтских вопросов и, в некоторой степени, влияли на образовательную и научную политику своего учебного заведения.

В начале XX в. в Российской империи стали активно развиваться такие отрасли хозяйства, как промысловое рыболовство и искусственное разведение ценных пород рыб. Назрела необходимость в подготовке специалистов по организации рыбного хозяйства. Не обошло стороной это веяние и МСХИ. Преподаватели стали ходатайствовать об утверждении в институте специального рыбохозяйственного отделения. Утверждение проекта организации новой структуры заняло несколько лет. Дело по открытию отделения сдвинулось с мертвой точки 13 июля 1913 г., когда Николай II подписал одобренный Государственным Советом и Государственной Думой «Закон об учреждении Отделения рыбоведения при Московском сельскохозяйственном институте»¹⁴. Этот законодательный акт дал начало открытию нового отделения, новых кафедр и лабораторий. Руководство МСХИ стало искать специалистов для преподавания основ рыболовства и рыбоводства.

Н.М. Кулагин, еще до открытия Отделения рыбоведения, предложил своему помощнику пройти специальную подготовку по гидробиологии, чтобы тот в перспективе смог стать заведующим новой кафедрой. Некрасов понимал, что овладеть современными на тот момент методами гидробиологии при малом числе в России научных лабораторий подобного профиля было достаточно непросто. По совету Кулагина он обратился в Главное управление землеустройства и земледелия с просьбой командировать его на гидробиологические курсы в Норвегию. Стажировавшиеся там ранее русские исследователи достаточно хорошо отзывались об уровне организации курсового обучения на базе Бергенского музея. Руководство Управления поддержало эту просьбу и выделило необходимое финансирование.

Некрасову предстояла поездка через Русский Север. С Ярославского вокзала он отправился на поезде в Архангельск, оттуда на пароходе «Ломоносов» отплыл в норвежский город Вардё. Проплыв в Баренцевом море остров Кильдин, пароход повернул на юг в Кольский залив. На западной его стороне находилась глубокая незамерзающая зимой бухта, Екатерининская гавань, куда была перенесена Соловецкая биологическая станция Императорского Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Здесь она получила название Мурманской биостанции и стала фактически первым научным учреждением на Баренцевом море. Первые сотрудники приехали сюда в 1899 г., однако официальной датой открытия станции считается 1904 г.

Некрасов решил остановиться в Александровске¹⁵, чтобы посетить Мурманскую биостанцию, пока пароход шел в Колу¹⁶ и обратно. Александровск был очень маленьким городом, с населением, не превышающим 500 человек. В городе находилось всего несколько десятков домов, школа, суд, полицейский участок и церковь. В Александровске Некрасов случайно встретил своего двоюродного брата по линии матери, Михаила Алексеевича Владимирского, который работал здесь уже три

¹⁴ *Гримм О.А.* Рыбоводство: научные основы и практика рыбоводства. М. — Л.: Гос. с.-х. изд-во, 1931. 261 с.

¹⁵ Город в Архангельской губернии с 1899 г., с 1926 г. потерял статус города и стал именоваться селом Александровским Мурманского округа Ленинградской области, в 1931 г. переименован в село Полярное, в 1939 г. получил статус города и стал называться Полярным.

¹⁶ Город Архангельской губернии, находящийся на стрелке слияния рек Туломы и Колы.

года земским врачом. До этого М.А. Владимирский имел опыт врачебной практики в Туркестане, там женился, но вскоре сильно заболел малярией и начал самостоятельно себя лечить от этого недуга. Решив сменить климат, он отправился на Север. Тут подвернулось место с хорошим жалованьем и казенным домом. В разговоре Владимирский сообщил Некрасову, что часто бывает на Мурманской биологической станции, так как изучает там малярийных плазмодиев и методы борьбы с ними. Он показал брату дорогу к станции, расположенной в двухэтажном каменном здании.

Некрасов так вспоминал свое посещение Мурманской биостанции:

Я пошел по тропинке и скоро был на станции. Я поднялся по лестнице. На площадке был большой аквариум, и на стеклянной стенке приклеилась своими ножками огромная морская звезда. Я вошел в ближайшую комнату. Несколько молодых людей сидели на рабочих местах. Пахло знакомым запахом ксилы и гвоздичного масла. Один из занимавшихся, высокий и длинный с бородкой, увидав меня, приподнялся. «А ведь мы встречались с вами в 1909 году в Неаполе», — сказал он, протягивая мне руку. «Ах, я Вас и не узнал, — ответил я. — Вы же были бритый, а теперь обросли бородой!» В самом деле, это был один из тех двух студентов Петербургского Университета, которых Лида звала «младенцами». Младенец уже успел окончить Университет. Это был Любищев¹⁷, позднее профессор в Пермском университете, а еще позднее в Киеве. Я ему объяснил, что проездом в Норвегию, захотел посмотреть станцию и спросил, как здесь работает? — «Фауна интересная, — ответил Любищев, — и работать можно». Походив немного с ним по станции, и, не желая мешать работающим, я простился с ним и той же дорогой, той же тропой, вившейся по каменистому берегу, вернулся в город¹⁸.

После посещения биостанции Некрасов отправился в гости к Владимирским, которые угощали его семгой и местными разносолами. Около четырех часов утра гостя проводили на пристань и посадили на пароход «Ломоносов», который и доставил Некрасова в конечный пункт маршрута — Вардё. В бухте Вардё стояло множество рыбацких судов, виднелись площадки для сушки рыбы и склады соли. В Вардё слышалась русская речь, так как в городке было много русских купцов, скупавших у норвежцев рыбу.

Из Вардё в Берген Некрасов отправился на пассажирском пароходе «Ли́ра». Про обслуживание пассажиров на норвежском судне он писал:

Стол был общий. Еда была однообразна. Превалировали закуски: на хлеб с маслом клали все, что угодно. Всякая еда запивалась чаем или кофе. Ко всякому блюду (рыбе и мясу) полагался вареный картофель. Овощей и фруктов совсем не было. За едой норвежцы, вообще немногословный, сдержанный и вежливый народ, были мрачно молчаливы. Как это было не похоже на французов, где обед длился не менее двух часов и проходил в непрерывном разговоре¹⁹.

¹⁷ Любищев Александр Александрович (1890–1972) — энтомолог и систематик, специалист по жукам-листоедам. Известен работами по применению математических методов в биологии, общим вопросам систематики и эволюционной теории.

¹⁸ Научная библиотека Московского государственного университета. Отдел редких книг и рукописей (НБ МГУ ОРКиР). Ф. 48. Оп. 4. Д. 40. Л. 109–109 об.

¹⁹ НБ МГУ ОРКиР. Ф. 48. Оп. 4. Д. 40. Л. 111 об.

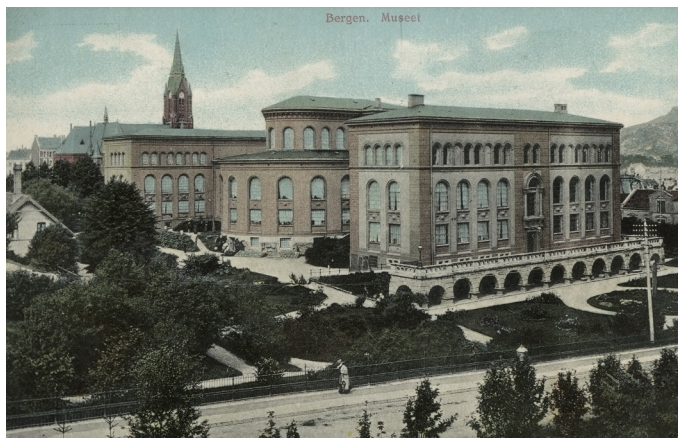

Рис. 2. Почтовая открытка с изображением Бергенского музея.

Fig. 2. Postcard showing the Bergen Museum.

Приехав в Берген, Некрасов поселился в гостинице, а затем отправился на курсы, которые проводились в местном музее. В Бергенском музее были собраны предметы по истории, этнографии и природе разных областей Норвегии: лодки и жилища викингов, их оружие, утварь, гербарии растений, чучела животных, коллекции минералов и горных пород. В музее работали научные сотрудники, которые занимались сбором и систематизацией коллекций. Уровень профессионализма ученых музея ничем не уступал уровню университетских преподавателей. Они издавали научные труды музея и сами печатались в зарубежных журналах.

Некоторое время здесь работал ихтиолог Йохан Йорт²⁰, морской зоолог и океанограф, специалист по промышленному рыболовству. Он был одним из основателей Международного совета по исследованию моря, образованного в 1902 г. В течение долгого времени Йорт занимался изучением колебаний численности рыб, разработал математические методы подсчета различных параметров популяций и статистической обработки данных, предложил научные подходы к организации рыбного промысла и предупреждению большого отлова рыбы. Йорт на базе Бергенского музея организовал курсы по гидробиологии. На курсах также работали известные ученые: планктонолог Хаакен Хасберг Гран²¹ и океанолог Бьёрн Хелланд-Хансен²². Гран первоначально специализировался в области альгологии,

²⁰ Йохан Йорт (норв. Johan Hjort) (1869–1948) — норвежский зоолог и океанограф. Одним из первых стал заниматься вопросами колебаний численности популяций рыб, предложил использовать методы статистического анализа в ихтиологических исследованиях.

²¹ Хаакен Хасберг Гран (норв. Naaken Hasberg Gran) (1870–1955) — норвежский биолог, специалист по водорослям (альголог), изучавший видовой состав и распространение фитопланктона Норвежского моря.

²² Бьёрн Хелланд-Хансен (норв. Bjørn Helland-Hansen) (1877–1957) — океанограф, изучал изменение погоды в северной части Атлантического океана и в атмосфере. В 1917 г. стал директором Геофизического института Бергенского университета. С 1946 по 1948 г. был президентом Международного союза геодезии и геофизики (IUGG).

а затем стал помогать Йорту в изучении рыб²³. Рыбохозяйственные исследования Гран проводил с учетом биомассы кормовой базы, в том числе планктона. Его докторская диссертация, защищенная в 1902 г., была основана на богатом материале, собранном в Норвежском море во время нескольких рейсов научно-исследовательского судна «Микаэль Сарс» под руководством Йорта, а затем опубликована отдельной брошюрой²⁴. Эта работа стала популярной среди русских гидробиологов и сыграла большую роль в организации точных исследований планктона в разных биотопах на территории России. Хелланд-Хансен был ученым с мировым именем и считался основателем физической океанографии. Его имя в первую очередь было связано с фундаментальными теориями, которые легли в основу всех последующих исследований процессов переноса и перемешивания воды в океане. Он был первым, кто предложил метод расчета океанских течений и ввел использование диаграмм «температура — соленость» для отображения распределения различных типов морской воды²⁵.

В первый год существования курсов преподавание шло только на английском языке, так как они носили международный статус и планировали привлечь в качестве слушателей иностранцев. У англичан эти курсы не имели особого успеха, потому что в Великобритании уже была сильная гидробиологическая школа и многие гидробиологи проводили исследования на местных биологических станциях. Курсами в большей степени заинтересовались российские натуралисты, но они мало говорили на английском языке, предпочитая для научной коммуникации немецкий язык. С учетом этих особенностей лекции на курсах стали читать на немецком языке. Это стимулировало приток русских и немецких слушателей. Со временем преподаватели курсов стали известны в научном мире, их стали приглашать в ведущие европейские университеты на должности профессоров или руководителей научных лабораторий. Отток квалифицированных преподавателей курсов негативно сказался на образовательном процессе: число слушателей также стало ежегодно падать.

В июле 1911 г., когда Некрасов поступил на курсы, там уже не было ни Йорта, ни Грана. Лекционный курс по ихтиофауне Северного моря вместо Йорта читал Пауль Бьеркан²⁶, хранитель музея. Он же читал курс по планктону вместо Грана. Шведский зоолог Адольф Аппелёф²⁷ преподавал зоогеографию и систематику,

---

²³ *Aa O., Høeg O.* Naaken Hasberg Gran (1870–1955) // *O. Aa, O. Høeg. Botanisk laboratorium, 1911–1961, bd. 2.* Oslo: Universitet Oslo, 1961. S. 655–658.

²⁴ *Gran H.H.* Das Plankton des Norwegischen Nordmeeres von biologischen und hydrographischen Gesichtspunkten behandelt // *Report on Norwegian Fishery — and Marine-Investigations. 1902. Vol. 2. No 5.* P. 1–222.

²⁵ *Dietrich G.* Bjørn Helland-Hansen (1877–1957) // *Deutsche Hydrographische Zeitschrift. 1958. Band 11. Heft 1.* S. 36–37.

²⁶ Бьеркан Пауль (норв. Paul Bjerkan Paul) (1874–1968) — норвежский зоолог, специалист по асцидиям и рыбам. Работал в Институте морских исследований Бергенского университета, Бергенском музее, участвовал в научных экспедициях по Северной Атлантике.

²⁷ Аппелёф Адольф (швед. Appelöf Adolf) (1857–1921) — шведский зоолог. В 1889 г. стал работать хранителем Бергенского музея, с 1910 г. преподавал в Уппсальском университете. В 1919 г. был избран членом Шведской королевской академии наук.

Мартин Бринкманн²⁸ морфологию животных, Хелланд-Хансен — океанографию, Эуген Йоргенсен²⁹ — альгологию, Карл Кольдеруп³⁰ — палеонтологию.

На следующий день после приезда в Берген Некрасов отправился в музей, чтобы оплатить курсы и приступить к занятиям. Среди курсантов было несколько русских, с которыми он впоследствии познакомился. Один из них — Сергей Александрович Спасский³¹, арахнолог из Новочеркасска. О нем Некрасов написал: «Красивый худой небольшого роста, с короткими усиками. С ним была курсистка, приятная на вид молодая женщина с большими глазами, выше его ростом, в широкой соломенной шляпе и с металлической брошкой в виде паука. Она была его нелегальной женой, так как жена не давала ему развода»³². Был еще студент Харьковского университета по фамилии Баранников, Некрасову отвели рабочее место рядом с ним. Некрасов познакомился также с Владимиром, командированным на курсы Главным Управлением землеустройства и земледелия. «Это был человек лет тридцати пяти, черный, с усами и эспаньолкой. Почему он предпринял эту поездку, абсолютно не зная немецкого языка, мне было не ясно. Он искал человека, у которого можно было бы брать уроки немецкого, а также наивно спрашивал, нет ли печатных лекций Аппелёфа, которые можно было бы приобрести и которые кто-нибудь бы ему перевел. Пока же он ходил на лекции и “слушал”, записывая незнакомые ему слова русскими буквами. К ним относились такие, как “вельхер”, “зейн”, “верден” и тому подобные»³³, — вспоминал Некрасов.

Русские слушатели приехали чуть раньше, поэтому успели побывать в открытом море и посетить близлежащие острова. Спасский посоветовал Некрасову закупить лабораторную посуду: широкогорлые банки с привинчивающимися крышками, пробирки, колбы. Собранные во время поездок на море животные помещались курсантами в широкогорлые банки, заполненные спиртом, а затем после определения раскладывались по пробиркам с этикетками, где записывались их латинские названия. Для удобства определения видов слушателям накануне показывали типичных представителей местной гидрофауны.

---

²⁸ Бринкманн Мартин (норв. Brinkman Martin Cecilius August) (1878–1940) — норвежский профессор зоологии. Работал в Бергенском музее, участвовал в морских экспедициях на «Микаэле Сарсе».

²⁹ Йоргенсен Эуген (норв. Jørgensen Eugen Honoratus) (1862–1938) — норвежский ботаник, специалист по мхам (бриолог) и водорослям (альголог). В 1898–1932 гг. сотрудник Бергенского музея.

³⁰ Кольдеруп Карл (норв. Kolderup Carl Frederik) (1869–1942) — норвежский геолог. Профессор Бергенского университета и хранитель Бергенского музея. Занимался общественной работой, работал помощником мэра Бергена.

³¹ Спасский Сергей Александрович (1882–1958) — российский зоолог, специалист по паукам (арахнолог). С 1909 г. ассистент кафедры зоологии и энтомологии Донского политехнического института, с 1918 г. доцент того же института, преобразованного в Донской сельскохозяйственный институт, с 1922 г. профессор этого же института, переименованного в Донской институт сельского хозяйства и мелиорации. Автор фундаментальных трудов «Пауки Донской области» (1920) и «Определитель пауков Донской области» (1925).

³² НБ МГУ ОРКиР. Ф. 48. Оп. 4. Д. 40. Л. 117 об. — 118.

³³ Там же. Л. 118 об.

Рис. 3. Адольф Аппелёф во время занятий на Гидробиологических курсах. Библиотека Бергенского музея. UBB-BS-FOL-01039-004-a

Fig. 3. Adolf Appelöf during the Hydrobiological Course. Library of the Bergen Museum. UBB-BS-FOL-01039-004-a

Первую лекцию, которую посетил Некрасов, читал Аппелёф. Курсанты собрались в небольшой аудитории. Среди слушателей были немцы, австрийцы, русские, финны и норвежцы. Об этой лекции Некрасов записал в своем дневнике следующее:

Вошел Аппелёф. Это был худощавый невысокий человек лет 55 со светлыми глазами в очках, с седыми усами и бритым подбородком и с почти голым лысым черепом, несколько яйцом поднимавшимся вверх. Он свободно говорил по-немецки, но к моему удовольствию достаточно раздельно и, так как темы его лекций были зоологические, а я уже много читал зоологических сочинений по-немецки, оказалось, что понимать его лекции мне было сравнительно нетрудно. Кроме того, мы условились со Спасским и Надеждой Михайловной (так звали его неофициальную жену), что мы все трое будем за ним записывать и каждый раз по вечерам, не откладывая дело в дальний ящик, будем собираться и взаимно проверять записи. Если же что останется спорным или непонятным, спросим разъяснения у самого Аппелёфа. За все время, кажется, и был один такой случай. На этой первой лекции Аппелёфа было обсуждение совершённой накануне экскурсии. Аппелёф указал, что собран был материал литоральной зоны у открытого моря — полосы прилива и отлива. Он разделил эту зону на четыре фации: фацию скал, фацию фукусов, фацию ламинарий и фацию ракушечного песка. Он указал на черты приспособлений животных к этой зоне и фациям: перечислил сидячие формы и способы прикрепления *Mytilus edulis* с его биссусом, морских желудей-балянусов *Balanus*, *Methridium dianthus* (актинию), указал на присасывающихся к скалам брюхоногих *Purpura lapillus*, питающуюся балянусами, и *Patella*, перечислил всех гидроидов, мшанок и сложных асцидий, сидящих крепко на фукусах и ламинариях, и закончил описание биоценозов фацией ракушечника, где формы, чтобы не быть смытыми приливной или отливной волной быстро зарываются в песок, расталкивая песчинки своими острыми носиками. Таковы ланцетник, с заостренным передним концом, *Ammodytes* (песчанка), рыбка также с заостренным кончиком головы и одна из полихет, обладающая таким же концом. Лекция Аппелёфа была проста, ясна, логична и легко запоминалась. Я остался ею доволен³⁴.

³⁴ НБ МГУ ОРКиР. Ф. 48. Оп. 4. Д. 40. Л. 118 об. — 119.

Весь август слушатели совершали морские экскурсии и слушали лекции с Аппелёфом. Он читал зоогеографию и систематику фауны северных морей. Слушатели выходили в море на маленьком пароходе «Пчела». Из персонала Музея в экскурсиях принимали участие кроме Аппелёфа Григ и Бринкманн. Некрасов так описал преподавателей: «Живописнее других был одет Григ в туристических башмаках с толстыми подошвами и в шерстяных пестрых чулках с рюкзаком за плечами. В руке у него была трубка для курения. Он был любителем курева»³⁵. Далее: «Аппелёф был в обычном костюме в пиджаке и соломенной шляпе»³⁶. Драгировку или получение проб донных обитателей производили с кормы парохода, где было устроено нечто вроде виселицы с блоком посередине, через который был перекинут трос, тащивший драгу. Драга вытаскивалась на палубу, материал высыпался в специальные сита, а потом проводилась их промывка. Животные, оставшиеся в ситах, внимательно просматривались: сначала отбирались те экземпляры, которые были нужны для научной работы или для музея, остальные — отдавались курсантам.

Рис. 4. Слушатели и преподаватели гидробиологических курсов. Третий слева Бьёрн Хелланд-Хансен. Библиотека Бергенского музея. UBB-BS-FOL-01039-005-a

Fig. 4. Students and teachers of hydrobiological courses. Third from left is Bjørn Helland-Hansen. Library of the Bergen Museum. UBB-BS-FOL-01039-005-a

В сентябре 1911 г. начались лекции других преподавателей. Обычно их лекции чередовались друг с другом. Хранитель Музея Бьеркан читал два курса: о животном планктоне и о рыбах. Некрасов так описал Бьеркана:

Человек лет 35–40, типичный скандинав с довольно красивой внешностью, с длинными белокурыми усами и тонким носом, — прежде всего поразил меня своим произношением: все немецкие «о» он произносил как немецкое «и», так что это уже затрудняло слушание. Кроме того, вероятно не говоря свободно по-немецки, он читал лекции по писанному тексту. Тогда только что недавно вышла немецкая сводка по планктону Штейера³⁷, которую я довольно хорошо знал, выписав ее для зоологического кабинета Сельскохозяйственного

³⁵ НБ МГУ ОРКиР. Ф. 48. Оп. 4. Д. 40. Л. 119 об.

³⁶ Там же.

³⁷ *Shteuер A. Planktonkunde. Leipzig und Berlin: Druck und Verlag von B.G. Teubner, 1910. 723 s.*

Института. Кто-то из нашей группы взял ее из библиотеки Бергенского Музея и следил за ней во время чтения Бьеркана. Он уверял, что тот сильно сдирал из нее в своих общих главах лекций. Лекции же о норвежском планктоне были составлены по работе Грана³⁸. Эту статью, напечатанную в "Report on Norwegian Fishery — and Marine-Investigations" за 1902 год я брал в читальне Бергенского Музея и почерпнул из нее много больше, чем из лекций Бьеркана. Для планктонных исследований мы выезжали раз на лодках в Пуде-фиорд и в другой раз в открытое море, где лов был мало удачен. Кроме того, для занятий нам доставляли свежий планктон, добытый служащими зоологической станции, а консервированный — главным образом из материала экспедиций «Микаеля Сарса». Я помню, сделал несколько препаратов морских *Sopropoda* и пытался определить высших раков по монографиям Г.О. Сарса. Из какого-то свежего планктонного материала я получил личинку камбалы величиной немного больше сантиметра, с одним глазом на боку, а другим на ребре головы, еще не перебравшимся на другую сторону. Я сделал из личинки неплохой препарат, но, к сожалению, вся эта коллекция Бергенских микроскопических препаратов погибла в Отделении Рыбоведения в подвалах во время наших выселений и переселений. Лекции Бьеркана по рыбам были еще скучнее. Они касались главным образом определения возраста рыб и их странствований. Последние были составлены по Отчетам Международных исследований моря, так называемым "Rapports et Procès verbaut". В Бергенском Музее Бьеркан демонстрировал нам местные породы рыб, и как-то раз он пригласил нас утром на рыбный рынок, где также была демонстрация. Но как-то не чувствовалось у Бьеркана сколько-нибудь глубоких знаний и уже вовсе не «пахло морем» от него³⁹.

Рис. 5. Слушатели гидробиологических курсов сортируют на берегу биологический материал. Библиотека Бергенского музея. UBB-BS-FOL-01039-002-с

Fig. 5. Students of hydrobiological courses sorting biological material on the shore. Bergen Museum Library. UBB-BS-FOL-01039-002-с

³⁸ Gran H. H. Das Plankton des Norwegischen Nordmeeres von biologischen und hydrographischen Gesichtspunkten behandelt // Report on Norwegian Fishery — and Marine-Investigations. 1902. Vol. 2. No 5. P. 1–222.

³⁹ НБ МГУ ОРКиР. Ф. 48. Оп. 4. Д. 40. Л. 128 об.

Лекции по фитопланктону Северного моря читал доктор Э. Йоргенсен, он был знатоком местных видов водорослей и открыл несколько новых видов рода *Ceratium*. На своих лекциях он использовал диапозитивы и самодельные таблицы по морфологии и систематике различных групп водорослей. Некрасов вспоминал: «Лекции Йоргенсена не представляли чего-нибудь особенного: но мне, как зоологу, техника приготовления препаратов и определения (по определителям Грана) была внове. Йоргенсен был очень милый, внимательный к своим слушателям человек, и старательно руководил практической работой»⁴⁰.

Рис. 6. Экскурсанты на Poller в Бергене (Норвегия), 1911. Стоит в центре группы сзади А. Аппелеф. Д.А. Некрасов выглядывает из-за плеча Аппелефа. Фотограф — Баранников. Научная библиотека Московского государственного университета Отдел редких книг и рукописей (НБ МГУ ОРКиР).. Ф. 48. Оп. 1. Д. 41. Л. 13

Fig. 6. Excursionists on Poller in Bergen (Norway), 1911. Standing in the centre of the group behind A. Appelf. D.A. Nekrasov is looking out from behind Appelef's shoulder. Photographer — Barannikov. Scientific. Library of Moscow State University, Department of Rare Books and Manuscripts (SL MSU.DRBM) F. 48. Op. 1. D. 41. P. 13

Особое впечатление на Некрасова произвел геолог К.Ф. Кольдеруп, который читал слушателям лекции о послеледниковых отложениях Норвегии. Кольдеруп высказывал интересные взгляды по поводу разделения ледникового периода на ряд отдельных оледенений на основании своих норвежских находок⁴¹. О нем Некрасов писал:

⁴⁰ Там же. Л. 129.

⁴¹ *Kolderup K.F., Monckton H.W.* The geology of the Bergen District, Norway, with special reference to the area to be visited in August 1911. London : Geologist's Association by Hayman, Christy and Lilly, 1911. 44 p.

Это был высокий, довольно сухой человек. Понимать лекцию мне было нелегко, может быть потому, что геологических немецких книг я не читал. Я и здесь прибегнул к своему средству. Разыскал в библиотеке Музея статьи Кольдерупа об ископаемых моллюсках в окрестностях Бергена. Кольдеруп в этих статьях сравнивал свои бергенские находки с находками других норвежцев в Христиании и других местах. Его выводы были довольно просты. Вкратце они сводились к следующему. Уровень норвежского морского берега все время повышается. Иногда подъем задерживался, и отложения приурочивались к террасам, расположенным на определенной высоте над уровнем моря. Если мы проследим отложения моллюсков по террасам снизу вверх, то мы найдем такую закономерность: на самых нижних террасах имеются в качестве ископаемых раковины моллюсков, в настоящее время живущих к Северу от Бергена в Трондхейме, Бодё и тому подобное. В следующих террасах будут раковины моллюсков, попадающихся сейчас в области Гаммерфеста, Норд-Кина и так далее, еще в следующих — наши мурманские, еще дальше — Беломорские моллюски. А как известно, температура воды морских берегов в этом направлении падает больше и больше. На Мурман заходит ветвь Гольфстрима, а до Белого моря не заходит. В частности, и здесь современная зоогеография ясно указывает на изменение морского климата со времени ледникового периода в сторону все большего и большего потепления. Таким образом, зоогеография и палеонтология приходят друг другу на помощь⁴².

Рис. 7. А.Д. Некрасов в центре, на борту лодки измеряет глубину водоема, 1911.
НБ МГУ ОРКиР. Ф. 48. Оп. 1. Д. 41.Л. 33

Fig. 7. A.D. Nekrasov in the centre, aboard a boat measuring the depth of a body of water, 1911.
SL MSU.DRBM. F. 48. Op. 1. D. 41. P. 33

Лекции по океанографии первоначально читал помощник Гёлланд-Гансена — доктор Штрёр. Он познакомил слушателей с методикой океанографических исследований, продемонстрировал различные приборы: лоты (для измерения глубин), батометры (для взятия воды с различных глубин), инструменты для измерения течений. Штрёр был немцем, поэтому лекции читал по-немецки очень быстро, так что русские слушатели не успевали за ним записывать.

Вскоре океанографию стал преподавать Бьёрн Хелланд-Хансен. Некрасов так описал известного норвежского исследователя:

⁴² НБ МГУ ОРКиР. Ф. 48. Оп. 4. Д. 40. Л. 129.

Прекрасное худое бритое лицо, красивый профиль с тонкими губами и изящным носом. Он медленно входит, раскладывает книги по кафедре, задумчиво поглядывает в окно, переворачивает странным движением руки рукописные записки. Мы видим, что это странное движение происходит от того, что у него на правой руке нет пальцев за исключением большого. Таким образом, он захватывает бумагу между большим пальцем и кистью руки. На левой несколько лучше: сохранились основные первые суставы пальцев. Пальцы были отморожены Хелланд-Хансеном в какой-то северной экспедиции и отрезаны хирургом. Понемногу он начинает читать лекцию: указывает на отношение воды к суше на земле и быстро переходит к берегам — к шхерам, фиордам, а от них к подводному рельефу дна. Он указывает на значения подводных гряд для распределения температуры и солёности в морской воде. Рисует на доске, зажав мел между своим большим пальцем и кистью руки, изотермы по обе стороны Исландской гряды. Он рассказывает и о своих исследованиях по обе стороны Гибралтарского пролива и там рисует изотермы. Он рассказывает про фиорды с донной водой, иногда подходит к нашим партам, иногда задумчиво глядит в окно и характеризует эту донную воду со слабыми колебаниями температуры. Он переходит теперь к вообще вертикальным движениям воды — суточным и сезонным. Он приводит еще пример донной воды, уже знакомый нам «Поллер», где мы были с Аппелёфом. Указывает, как она нагревается летом и вентилируется зимой и осенью. Он переходит теперь к береговой воде самого Океана к береговой воде фиордов. Но это — в Норвегии. Он сравнивает с ней береговую воду Балтийского моря и Гренландского полярного течения. Вдруг Хелланд-Хансен заканчивает. У меня остается впечатление, что то, что он прочел, необычайно интересно. Я вынимаю часы, смотрю на них и к удивлению вижу, что он читал не час, а два подряд, а я этого не заметил: так легко было слушать, так казалось интересным все, что он рассказывал. Я поделился со Спасским своими впечатлениями. Они также были чрезвычайно довольны лекциями норвежского гидролога. Вечером, как обычно, мы собрались для взаимной проверки лекций Хелланда-Хансена. Мы должны были признать, однако, что в сущности в их содержании не было ничего особенного, если не считать, конечно, что много положений было иллюстрировано примерами, взятыми им из собственных наблюдений и исследований. Однако, и на следующих лекциях повторилось то же: слушая Хелланда-Хансена я забывал обо всем, кроме того, что он нам рассказывал: внимание несколько не ослабевало, и каждая его двухчасовая лекция (без перерыва) слушалась без всякого напряжения с большим удовольствием. Когда я размышлял об этом удивительном лекторском таланте, сравнить с которым я затрудняюсь талант кого-либо из русских лекторов, я пришел к мысли, что секрет успеха лежал в музыке голоса, необычайно приятного, слушать который было само по себе наслаждение⁴³.

Вечерами после занятий Некрасов посещал читальный зал Бергенского музея, часами просиживал там, читая как специальную, так и художественную литературу. Некоторые книги он брал с собой на дом. По воскресеньям Алексей Дмитриевич поднимался в горы, окружающие Берген. Еще он любил рассматривать улицы Бергена, с множеством старых узких деревянных трехэтажных домов, покрытых крутыми черепичными крышами. В каждом из двух верхних этажей было всего по два окна, расположенных близко друг к другу. Иногда на этих прогулках его сопровождал Спасский. Также в свободное время Некрасов общался со студентом Баранниковым, который приехал в Норвегию в сопровождении своих родителей. «Мы с ним [Баранниковым. — *Прим. Р. Ф.*] нередко говорили о литературе, которой он ин-

⁴³ Там же. Л. 129 об. — 130.

тересовался. Я тогда взял с собою томик Бодлера, которым я увлекался под влиянием Лиды. Я помню некоторые его разговоры и на другие темы, например, предсказание, что старая Англия будет забита Германией (что, правда, не оправдалось), что времена Диккенса и весь уют “Сверчка на печи” никогда уже не повторится в Англии (в этом он был прав). Была еще одна черта в его характере, за которую я его пробирал часто, хотя и сам никогда не отличался противоположными качествами. Он был крайне неряшлив в учебной и научной работе. Вечно материал у него протухал на столе, а он его не выбрасывал. Вечно что-нибудь гнило и издавало зловоние. И сколько я ни ругал его за это, он только поводил своими черными глазами вокруг и добродушно усмеялся⁴⁴, — писал о своем приятеле Некрасов.

Бергенцы, как и большинство норвежцев, были достаточно спокойными и молчаливыми людьми. Некрасову они казались довольно флегматичными, способными к незначительным эмоциям в ответ на какие-нибудь события⁴⁵. Местные жители обсуждали, например, пребывание в фиордах броненосца «Вильгельм» и особенно его моряков, которые перегородили один из внутренних фиордов неводом и выловили всю рыбу, которая туда зашла. Норвежские газеты писали об этом событии с неудовольствием. Другим событием, вызвавшим переполох в Бергене, стал прилет туда впервые самолета. Для русских слушателей это не было каким-то экстраординарным событием, так как отечественная авиация к тому времени достаточно быстро развивалась: создавались новые модели самолетов, проходили их испытания, летчики демонстрировали фигуры высшего пилотажа, в том числе мертвые петли.

Когда курсы закончились, пришло время слушателям возвращаться в родные края. Перед самым отъездом Некрасов подписал открытку своей супруге, которая должна была выехать в Москву от родителей:

Bergen 17 Сент. 1911 г.

Милая Лидинька! Чувствую, что письмо это придет много раньше тебя в Москву, но хочется написать тебе, а в Симбирске оно, я думаю, тебя не застанет. Планирую отъезд во вторник 19, если придут деньги. Из Москвы я вчера получил письмо от Н. Мих. Карповой. Они со Спасским доехали до Москвы, и деньги должны прийти на днях. Почему-то, впрочем, еще их нет. Тогда, вероятно, займу у Грига и уеду. Коллекции уже запаковал. Остается лишь всякие мелкие покупки. Сегодня я их не успел сделать. Сделаю в понедельник, во вторник утром поеду! — Пара сшита мне кажется лучше, чем немцем. На сюртук денег не хватило. Но материя пары такова, что сюртук может быть сделан один без соотв. жилета и бр. Сегодня и вчера работал у Helland-Hansen'a в лаборатории. От брызг ляписса рука стала пегая с черными пятнышками.

Целую крепко. Твой Алеша⁴⁶.

Из Бергена Некрасов возвращался домой через Швецию по железной дороге. С ним же отправился в багажном отделении деревянный ящик с собранными и заспиртованными морскими животными. В столице Швеции — Стокгольме — Некрасов провел несколько дней. Посетил Этнографический музей Скансен, где были представлены различные регионы Швеции, побывал в Национальном музее Швеции, крупнейшей в стране художественной галерее, и даже успел посмотреть

⁴⁴ Там же. Л. 126.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ НБ МГУ ОРКиР. Ф. 48. Оп. 3. Д. 50. Л. 1–2.

оперетту в местном театре. Однако времени у него было мало, надо было спешить к началу занятий в МСХИ, поэтому вскоре Алексей Дмитриевич отплыл на пароходе в финский порт Турку, который шведы называли Або. Оттуда он пересел на русский корабль и добрался до Гельсингфорса (Хельсинки). Там ученый пересел на поезд до Петербурга. По прибытии в столицу багаж с коллекцией животных был подвергнут таможенному досмотру. Вероятно, подобная процедура была обусловлена тем, что через Финляндию в Санкт-Петербург и Москву переправляли нелегальную литературу из Европы. Деревянный ящик был вскрыт, а цинковые контейнеры не стали распаивать только из-за наличия у Некрасова документов на командировку от Главного Управления землеустройства и земледелия. Коллекция была доставлена в целостности и сохранности и потом долго демонстрировалась на выставке в Московском сельскохозяйственном институте.

В заключение отметим, что полученные в Норвегии гидробиологические знания и навыки Некрасов в дальнейшем использовал в своей исследовательской и научно-организационной работе. Его путь в гидробиологии был тернист. В 1913 г. Некрасов решил выставить свою кандидатуру на должность профессора открывающейся в МСХИ кафедры гидробиологии. Другой кандидат на эту должность, С.А. Зернов, имел также большой опыт научной и педагогической работы. В свое время он обучал Некрасова основам гидробиологии в университете. Из-за участия в революционном движении в 1887 г. Зернов был выслан из Москвы в Вятскую губернию, а в 1889 г. в Крым. Он стал инициатором создания Симферопольского естественноисторического музея, в 1902–1913 гг. руководил Севастопольской биологической станцией⁴⁷. В 1911 г. Зернов защитил диссертацию о фауне Черного моря⁴⁸. Естественно, что конкурсная комиссия МСХИ остановила свой выбор на кандидатуре маститого ученого. В 1914 г. Зернов перешел на работу в Московский сельскохозяйственный институт на должность профессора кафедры гидробиологии. Некрасову он предложил также перейти на новую кафедру, чтобы стать хранителем организуемого при Отделении рыбоведения Рыбопромышленного музея. Новое место работы не обещало Алексею Дмитриевичу повышения заработка, но освобождало от большой педагогической нагрузки и давало возможность участвовать в гидробиологических экспедициях.

Некрасов принял предложение своего учителя, став не только хранителем музея, но и профессиональным гидробиологом. За годы работы в музее он совершил несколько поездок в важнейшие районы рыболовства и рыбоводства. Первая такая поездка была организована весной 1916 г. в Астрахань. Ему было поручено взять для музея некоторые коллекции и экспонаты, принадлежащие Астраханской ихтиологической станции и имеющие несколько дубликатов. Через пару месяцев он снова был направлен в экспедицию по Волге до Каспийского моря. Летом 1917 г. Некрасов был командирован на Мурманскую биостанцию для сбора живого материала.

Первые послереволюционные годы стали одним из самых драматических периодов в биографии Некрасова. Это время было наполнено разными трагически-

⁴⁷ Голоцван Е.В. Звенигородская биологическая станция — период становления в историческом контексте // Труды Звенигородской биологической станции. Т. 3. М.: Логос, 2001. С. 12–15.

⁴⁸ Зернов С.А. К вопросу об изучении жизни Черного моря. СПб.: Тип. Акад. наук, 1913. 299 с.

ми событиями, изменениями в организации учебных заведений, сменой прежних идеологических установок. Зимой 1919 г. в Москве наступил голод. Некрасову приходилось выполнять разную неквалифицированную работу, чтобы прокормить семью. В 1923 г. он был принят на работу в отдел цитологии Научно-исследовательского Биологического института им. К.А. Тимирязева. Его пригласил к себе заведующий лабораторией Владимир Дмитриевич Лепешкин⁴⁹, который знал Некрасова еще со времен зарубежных стажировок на морских биологических станциях. На протяжении нескольких лет работы в Тимирязевском институте Некрасов изучал морфологические особенности кладок Брюхоногих моллюсков *Gastropoda* — *Limnaea* (прудовик) и *Valvata* (затворка)⁵⁰.

В 1926 г. к Алексею Дмитриевичу обратился Николай Николаевич Худяков⁵¹ с предложением попробовать занять должность заведующего кафедрой зоологии Нижегородского университета. С преподаванием зоологии там были некоторые трудности. Образование университетской кафедры зоологии было тесно связано с историей возникновения самого вуза, поскольку главный его организатор и первый ректор Дмитрий Федорович Сеницын⁵² был также и первым заведующим этой кафедрой⁵³. В 1919 г. он и его супруга, Людмила Ивановна Сеницына⁵⁴, были вынуждены тайно бежать из Нижнего Новгорода из-за начавшихся выпадов на него со стороны советской власти. Фактически кафедра зоологии лишилась своего лидера, несколько лет руководство университета не могло найти достойную замену.

Некрасов принял участие в конкурсе в Нижегородском университете, в результате чего был единогласно выбран заведующим кафедрой зоологии. В 1928–1929

---

⁴⁹ Лепешкин Владимир Дмитриевич (1865–1933) — ученый-биолог, библиофил, меценат, гласный Московской городской думы (избирался в 1901–1904 и 1905–1908 гг.). Он и его сестра Мария Дмитриевна — внуки московского городского головы 1840-х гг. С.Л. Лепешкина — были совладельцами усадьбы Валуево. Был женат на внучке фабриканта Т.С. Морозова Анне Геннадьевне Карповой (1871–1919).

⁵⁰ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 356. Оп. 1. Д. 78. Л. 17.

⁵¹ Худяков Николай Николаевич (1866–1927) — микробиолог и физиолог растений. Окончил Высшую агрономическую школу в Йене, Берлинский и Лейпцигский университеты. С 1898 г. адъюнкт-профессор кафедры физиологии растений и микробиологии Московского сельскохозяйственного института, в 1899–1911 гг. приват-доцент Московского университета, с 1911 г. проф. Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского.

⁵² Сеницын Дмитрий Федорович (1871–1977) — зоолог, паразитолог. С 1906 г. приват-доцент Московского университета, в 1911 г. покинул университет в знак протеста против политики Л.А. Кассо и перешел в Московский городской народный университет им. А.Л. Шанявского. Директор Нижегородского народного университета (1916) и первый ректор Нижегородского государственного университета (1919). Эмигрировал сначала в Западную Европу, а затем в США.

⁵³ *Фандо Р.А.* Ученый и его время: Дмитрий Федорович Сеницын (1871–1937) // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Годичная конференция, 2019. Саратов: Амирит, 2019. С. 218–221.

⁵⁴ Сеницына Людмила Ивановна (1886–1932) — зоолог. Выпускница Московских высших женских курсов (1915). Ассистент кафедры зоологии Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского (1915–1916), кабинета зоологии Нижегородского городского народного университета (1916–1918), затем Нижегородского государственного университета (1918–1919).

учебном году Некрасов жил между двумя городами — в Москве он продолжал читать лекции по общей биологии и дарвинизму студентам Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской, а в Нижнем Новгороде читал зоологию. Осенью 1929 г. он окончательно переехал в Нижний Новгород и занялся преподавательской работой. Пока не было жилья, Алексей Дмитриевич ночевал на кафедре.

Работая в Нижегородском университете, Некрасов организовывал летние экспедиции по различным районам Нижегородской области. В 1930 г. он с группой преподавателей и студентов собирал материал на юге области. Во время этой экспедиции Некрасов обнаружил уникальное место, на котором впоследствии была создана биостанция Нижегородского университета. Это было село Старая Пустынь, Арзамасского уезда. Село находилось недалеко от четырех карстовых озер, через которые протекала река Серёжа, приток реки Тёша, которая в свою очередь была притоком Оки.

Рис. 8. Озеро Великое, Пустынская биостанция, протока из озера Великого в озеро Глубокое. НБ МГУ ОРКиР. Ф. 48. Оп. 1. Д. 54. Л. 2

Fig. 8. Lake Velikoye, Pustynskaya biostation, channel from Lake Velikoye to Lake Glubokoye. SL MSU.DRBM. F. 48. Op. 1. D. 54. P. 2

Рис. 9. Количественный лов планктонной сеткой на Пустыньских озерах.

Проф. Н.С. Гаевская и В.И. Есырева. НБ МГУ ОРКиР. Ф. 48. Оп. 1. Д. 54. Л. 13

Fig. 9. Quantitative plankton net fishery on the Pustynskye Lakes. Prof. N.S. Gaevskaya and V.I. Yesyreva. SL MSU.DRBM. F. 48. Op. 1. D. 54. P. 13

Рис. 10. Измерение прозрачности воды диском Секки на Пустыньских озерах.
НБ МГУ ОРП. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 11

Fig. 10: Measurement of water transparency by Secchi disc on the Pustynskie Lakes.
SL MSU.DRBM. F. 48. Op. 1. D. 54. P. 11

Строительство зданий станции заняло несколько лет. Только в 1934 г. сюда приехали студенты для прохождения летней практики. В 1936 г. появились новые деревянные корпуса для студентов, в 1937 г. — баня, новые лаборатории для микроскопических исследований и занятий с гербарным материалом. Большие средства были вложены в приобретение микроскопов, гидробиологического оборудования, лабораторной посуды, учебников, определителей видов растений и животных. Со временем Пустыньская биостанция стала центром комплексной биологической исследовательской работы. Особенно это стало заметно, после того как в 1940 г. руководителем станции стал доцент Л.В. Шапошников. В Пустыни многие студенты собирали материал для своих дипломных работ.

А.Д. Некрасов удачно совмещал на станции педагогическую работу со студентами с проведением собственных исследований. Он провел серию наблюдений за кладками различных беспозвоночных животных⁵⁵. Одним из объектов его изучения стал водяной жук *Helophorus* (морщинник)⁵⁶. Некрасов заинтересовался биологией размножения и развития морщинника, особенностями обитания жуков в различных экологических условиях, питанием и образом жизни личинок.

Полученные на курсах Бергенского музея гидробиологические знания А.Д. Некрасов неоднократно применял в процессе обучения студентов Нижегородского (Горьковского) университета. Во время летних практик студенты изучали физико-химические особенности Пустыньских озер и реки Серёжи, а также описывали растительный и животный мир водоемов. В 1930–1940-е гг. количество научных работ в области гидробиологии в СССР значительно возросло. В научных

⁵⁵ Некрасов А.Д. Наблюдения над кладками пресноводных животных. VI: Кладки и адаптация // Ученые записки Горьковского государственного университета. 1938. Вып. 8. С. 3–11.

⁵⁶ Некрасов А.Д. Наблюдения над кладками пресноводных животных. VII: Кладки жука-водолюба (Морщинника) // Ученые записки Горьковского государственного университета. 1938. Вып. 8. С. 12–16.

и учебных заведениях создавались морские и пресноводные станции, сохраняющие свое значение до настоящего времени. Пустынская биологическая станция также стала центром, выполняющим как педагогические, так и научные задачи. На станции до сегодняшнего времени проходят летние практики для студентов Нижегородского университета, там же ученые ведут мониторинг состояния окружающей среды Пустынского заказника.

Преодолевая немалые трудности, А.Д. Некрасов смог воплотить идею проведения летних полевых практик для студентов Нижегородского университета по различным биологическим дисциплинам, в том числе по гидробиологии. Гидробиология представляла собой дисциплину, изучающую жизнь водных организмов в экосистемах морских и континентальных водоемов. Открытия в области гидробиологии в значительной степени обогатили традиционные описательные науки и способствовали развитию системного подхода к анализу и оценке природных явлений. Студенты с большим интересом постигали азы гидробиологии, выполняли курсовые и дипломные работы на материале Пустынской гидрофауны. Во многом это была заслуга А.Д. Некрасова, который по-настоящему стремился внести значимый вклад в приращение новых знаний и учил этому своих подопечных. Стажируясь на крупнейших биологических станциях Франции, Италии, Норвегии, он перенял от выдающихся ученых с мировым именем не только азы научно-исследовательской работы, но и педагогические навыки, нравственные установки и принципы, которые сумел передать своим ученикам.

Литература

- Артемов Н.М.* Памяти Алексея Дмитриевича Некрасова (1874–1960) // Научные доклады высшей школы. Биологические науки. 1961. № 2. С. 241–242.
- Бляхер Л.Я.* А.Д. Некрасов (некролог) // Вопросы истории естествознания и техники. 1961. Вып. 11. С. 196–197.
- Голоцван Е.В.* Звенигородская биологическая станция — период становления в историческом контексте // Труды Звенигородской биологической станции. Т. 3. М.: Логос, 2001. С. 12–15.
- Гримм О.А.* Рыбоводство: научные основы и практика рыбоводства. М.: Гос. с.-х. изд-во; Л.: Гос. с.-х. изд-во, 1931. 261 с.
- Зернов С.А.* К вопросу об изучении жизни Черного моря. СПб.: Тип. Акад. наук, 1913. 299 с.
- Мирзоян Э.Н.* Памяти Алексея Дмитриевича Некрасова (1874–1960) // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. 1962. Т. 67. Вып. 1. С. 136–138.
- Некрасов А.Д.* Наблюдения над кладками пресноводных животных. VI: Кладки и адаптация // Ученые записки Горьковского государственного университета. 1938. Вып. 8. С. 3–11.
- Некрасов А.Д.* Наблюдения над кладками пресноводных животных. VII: Кладки жука-водолюба (Морщинника) // Ученые записки Горьковского государственного университета. 1938. Вып. 8. С. 12–16.
- Некрасов А.Д.* Воспоминания / Редактор-составитель Л.Д. Некрасова, допечатная подготовка Н.Г. Ордынская. Чебоксары: [Б. и.], 2023. 680 с.
- Соболь С.Л., Бляхер Л.Я.* А.Д. Некрасов (к 80-летию со дня рождения) // Труды ИИЕТ АН СССР. Т. 4. М.: Изд. АН СССР, 1955. С. 390–399.

Фандо Р.А. Ученый и его время: Дмитрий Федорович Синицын (1871–1937) // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Годичная конференция, 2019. Саратов: Амирит, 2019. С. 218–221.

Aa O., Høeg O. Naaken Hasberg Gran (1870–1955) // Aa O., Høeg O. Botanisk laboratorium, 1911–1961. Bd. 2. Oslo: Universitet Oslo, 1961. S. 655–658.

Dietrich G. Bjørn Helland-Hansen (1877–1957) // Deutsche Hydrographische Zeitschrift. 1958. Bd 11. Heft 1. S. 36–37.

Gran H.H. Das Plankton des Norwegischen Nordmeeres von biologischen und hydrographischen Gesichtspunkten behandelt // Report on Norwegian Fishery — and Marine-Investigations. 1902. Vol. 2. No. 5. P. 1–222.

Kolderup K.F., Monckton H.W. The geology of the Bergen District, Norway, with special reference to the area to be visited in August 1911. London: Geologist's Association by Hayman, Christy and Lilly, 1911. 44 p.

Nekrasov A.D. Untersuchungen über die Reifung und Befruchtungsprozesse des Eies von der Eier von *Cymbulia Peronii* // Anatomischer Anzeiger. 1903. Bd. XXIV. № 4. S. 119–127.

Nekrasov A.D. Analyse der Reifungs und Befruchtungsprozesse des Eies von *Cymbulia Peronii*, nebst einigen Bemerkungen über die Entstehung der Strahlung neben die Kopulationbahn der Vorkerne // Archive für mikroskopische Anatomie. 1909. Bd. 73. № 4. S. 913–994.

Nekrasov A.D. Steuer A. Planktonkunde. Leipzig und Berlin: Druck und Verlag von B.G. Teubner, 1910. 723 s.

“Abroad for knowledge”: A.D. Nekrasov’s scientific internship in Norway

ROMAN A. FANDO

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; fando@mail.ru

The article describes the history of a scientific internship in Norway of A.D. Nekrasov (1874–1960), a prominent zoologist, science organizer, and one of the first Soviet historians of biology. The study aimed to reconstruct the daily life of zoologists of the early 20th century during their internships in the European hydrobiological centers. To this end, we have studied a huge body of documentary legacy, deposited in A.D. Nekrasov’s fonds (f.48) in the Rare Books and Manuscripts Department of Moscow State University’s Scientific Library. The examined Nekrasov’s ego documents, introduced for scientific use for the first time, give an idea of how the courses in hydrobiology were organized at the Bergen Museum for the researchers from different countries, and of the level of international scientific communications. The teachers were Bjørn Helland-Hansen, Paul Bjerkan, Adolf Appelöf, Martin Brinkmann, Eugen H. Jørgensen, and Carl Frederik Kolderup. The opportunities for conversance with the experimental work of the European oceanologists, hydrologists and biologists attracted numerous Russian researchers. At the courses, Nekrasov met his compatriots who were studying new forms of the organization of biological research, experimental techniques, and diversity of marine fauna, and learning about recent discoveries of European science. In the early 20th century, training at the international hydrobiological courses became a widespread practice for Russian scientists and prompted the creation of new biological stations in Russia. A.D. Nekrasov himself was

the organizer of such a station at the Pustyn Lakes, Arzamas Uyezd of the Nizhny Novgorod Oblast, where the students of Nizhny Novgorod (Gorky) University received their training and the studies on biodiversity of local water bodies continued for many years.

Keywords: scientific internships, hydrobiology, Bergen Museum, A.D. Nekrasov, Moscow Agricultural Institute, Nizhny Novgorod State University, Pustyn Biological Station.

References

Aa, O., Høeg, O. (1961). Haaken Hasberg Gran (1870–1955), in: Aa O., Høeg O., *Botanisk laboratorium 1911–1961*, bd. 2. Oslo: Universitet Oslo, pp. 655–658.

Artemov, N.M. (1961). Pamiati Alekseia Dmitrievicha Nekrasova (1874–1960) [In memoriam of Alexey Dmitrievich Nekrasov (1874–1960)], *Nauchnye doklady vyssheĭ shkoly. Biologicheskie nauki*, 2, 241–242 (in Russian).

Bliakher, L.Y. (1961). A.D. Nekrasov (nekrolog) [A.D. Nekrasov (obituary)], *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, 11, 196–197 (in Russian).

Dietrich, G. (1958). Bjørn Helland-Hansen (1877–1957), *Deutsche Hydrographische Zeitschrift*, band 11, heft 1, 36–37 (in Russian).

Fando, R.A. (2019). Uchenyi i ego vremia: Dmitrii Fedorovich Sinitsyn (1871–1937) [Scientist and his time: Dmitry Fedorovich Sinitsyn (1871–1937)], *Institut istorii estestvoznaniia i tekhniki im. S.I. Vavilova RAN. Godichnaia konferentsiia, 2019*. Saratov: Amirit, pp. 218–221 (in Russian).

Golotsvan, E.V. (2001). Zvenigorodskaia biologicheskaia stantsiia — period stanovleniia v istoricheskom kontekste [Zvenigorod Biological Station: the formation period in the historical context], *Trudy Zvenigorodskoi biologicheskoi stantsii*, vol. 3. Moscow: Logos, pp. 12–15 (in Russian).

Gran, H.H. (1902). Das Plankton des Norwegischen Nordmeeres von biologischen und hydrographischen Gesichtspunkten behandelt, *Report on Norwegian Fishery and Marine Investigations*, vol. 2, no. 5, pp. 1–222.

Grimm, O.A. (1931). *Rybovodstvo: nauchnye osnovy i praktika rybovodstva [Pisciculture: scientific foundations and practices of pisciculture]*. Moscow: Gos. s.-kh. izd-vo; Leningrad: Gos. s.-kh. izd-vo, 261 p. (in Russian).

Kolderup, K.F., Monckton, H.W. (1911). The geology of the Bergen District, Norway, with special reference to the area to be visited in August 1911. London: Geologist's Association by Hayman, Christy and Lilly, 44 p.

Mirzoian, E.N. (1962). Pamiati Alekseia Dmitrievicha Nekrasova (1874–1960) [In memoriam of Alexey Dmitrievich Nekrasov (1874–1960)], *Biulleten' Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody. Otdel biologicheskii*, vol. 67, iss. 1, pp. 136–138 (in Russian).

Nekrassoff, A. (1903). Untersuchungen über die Reifung und Befruchtung des Eies von *Cymbulia Peronii*, *Anatomischer Anzeiger*, bd. XXIV, no. 4, ss. 119–127.

Nekrasoff, A. (1909). Analyse der Reifungs- und Befruchtungsprozesse des Eies von *Cymbulia Peronii*, nebst einigen Bemerkungen über die Entstehung der Strahlung neben den Kernen und über die Kopulationbahn der Vorkerne, *Archive für mikroskopische Anatomie*, bd. 73, no. 4, pp. 913–994.

Nekrasov, A.D. (1938). Nabliudeniia nad kladkami presnovodnykh zhivotnykh. VI: Kladki i adaptatsiia [Observations on the clutches of freshwater animals. VI: Clutches and adaptation], *Uchenye zapiski Gor'kovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 8, 3–11 (in Russian).

Nekrasov, A.D. (1938). Nabliudeniia nad kladkami presnovodnykh zhivotnykh. VII: Kladki zhuka-vodoliuba (Morshchinnika) [Observations on the clutches of freshwater animals. VII: Clutches of Hydrophilic beetle (Helophorus)], *Uchenye zapiski Gor'kovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 8, 12–16 (in Russian).

Nekrasov, A.D. (2023). *Vospominaniia* [Memoirs]. Ed.-com. L.D. Nekrasova, prepress preparation N.G. Ordynskaya, Cheboksary, [B. i.], 680 p. (in Russian).

Sobol, S.L., Bliakher, L.Y. (1955). A.D. Nekrasov (k 80-letiiu so dnia rozhdeniia) [A.D. Nekrasov (towards the 80th anniversary of his birth)], in: *Trudy IIET AN SSSR*, vol. 4, Moscow, Izd. AN SSSR, pp. 390–399 (in Russian).

Steuer, A. (1910). *Planktonkunde*. Leipzig und Berlin: Druck und Verlag von B.G. Teubner, 723 p.

Zernov, S.A. (1913). *K voprosu ob izuchenii zhizni Chernogo moria* [More on a study of the life of the Black Sea]. Saint Petersburg: Tip. Akad. nauk, 1913. 299 s. (in Russian).